
КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

ЖИЗНЕННЫЙ МИР РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНИНА. ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛАРУСИ
(рецензия на коллективную монографию под редакцией Ж. Т. Тощенко
«Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа)»)

THE LIFE-WORLD OF THE RUSSIAN PEASANT. A VIEW FROM BELARUS
(review of the collective monograph edited by Zh. T. Toshchenko «Meanings
of rural life (experience of sociological analysis)»)

Изучение крестьянства как социальной группы имеет давнюю и богатую историю. Сегодня эта тема вызывает особый интерес социологов, поскольку поставлена под вопрос судьба деревни в классическом ее представлении. Агрессивные процессы урбанизации, технологизации сельскохозяйственного производства и вестернизации образа жизни селян, обитающих на просторах постсоветского

пространства, привели к разительным переменам в жизни и трудовой деятельности современного крестьянства. Жизнь и труд в сельской местности, особенно в системе агропромышленного комплекса (АПК), стали приобретать все более индустриальный характер, а крестьяне – превращаться в рабочих сельского хозяйства. Более того, остро встали вопросы: а сохранился ли на селе крестьянин в классическом понимании этого слова и как проводить социально-экономическую политику в стране, чтобы крестьянство продолжало развиваться и выполнять свои социальные функции в целостной системе общественного устройства?

В последнее десятилетие внимание социологов привлекали проблемы человеческого потенциала современного села. Последствия социально-экономической ситуации 1990-х гг., развал Советского

Союза, переход к рынку, торжество капиталистических отношений, безработица, бедность, потеря точек опоры для социальной самоидентификации и понижение социального статуса основной массы населения, живущего трудом и заботами о хлебе насущном, – все это привело к резкому снижению человеческого потенциала в странах постсоветского пространства и сельских поселениях в частности. Повысился уровень смертности, снизилась рождаемость, ухудшилось здоровье и социальное самочувствие селян, упал уровень образования в учебных заведениях, что поставило сельских жителей на край нормального существования.

Ученые, социологи и некоторые политики стали бить тревогу по этому поводу, но власти каждой из стран бывшего Советского Союза решали данную проблему по-разному: где-то срочно стали проводить реформы, пусть и не всегда заканчивающиеся успехом, где-то оставили ситуацию на милость стихии рынка, где-то ответственные решения отложили до лучших времен. Но как бы то ни было, все эти суверенные государства в своих социально-экономических и политических решениях оглядываются на Россию, согласовывают перспективы своего развития с великой страной. И в этом смысле важно сравнить, как живут селяне и что для них делается в каждой из этих стран, какой опыт можно приобрести и что необходимо незамедлительно исправить. А так как в целом ситуация в агросфере стран постсоветского пространства в последние два-три года стала меняться в позитивном направлении (в России – в связи с санкционными процессами, в Беларуси – ввиду усиленного контроля

и государственного протекционизма), внимание социологов привлекли вопросы уже не только выживаемости деревни, но и судьбы крестьянства как социальной группы, вопросы мотивов, ценностей и мировоззрения селянина (будь то рабочий или крестьянин), жизненного мира людей, связавших свою жизнь с природой, тяжелым трудом и незадействованным представлением о счастье.

Поэтому сегодня так востребованы научные работы в сфере социологии села, а каждая новая книга на данную тему становится значимым событием, открывающим читателям возможность понять далекий от нас и в то же время близкий и родной мир деревенской жизни, состояние и специфику жизни селян как социальной общности, их поведение в условиях близости к природной среде, характер и содержание трудовой деятельности, организацию быта. Несмотря на обилие социологической информации о жизни и поведении сельского жителя, он до сих пор во многом остается «таинственным незнакомцем», поражающим воображение своим трудолюбием, непритязательностью, терпением, выносливостью и тем, что называется выживаемостью в любых условиях социальных катаклизмов и переустройств. Ведь, несмотря на некоторые успехи в сельском хозяйстве, помощь и поддержку государства, селяне остаются наиболее уязвимой и зависимой социальной группой, обладающей самыми низкими доходами, довольствующейся более чем скромными потребностями и условиями жизни. И тем не менее сельские жители жизнелюбивы и оптимистичны, доверяют властям и в основном поддерживают государственную политику, занимают позицию, направленную на сохранение порядка и стабильности в стране.

В этом контексте особую значимость представляет изучение мотивации жизни и труда на селе, выявление тех смысловых установок, которые определяют жизненные стратегии и мировосприятие сельских жителей. В этих целях есть смысл проанализировать данные о жизни и труде сельских жителей России и Беларуси на основе сравнения результатов социологических исследований, опубликованных в коллективных монографиях белорусских и российских коллег [1; 2].

Недавно вышедшая коллективная монография под редакцией Ж. Т. Тощенко «Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа)» (М., 2016) – первая книга на постсоветском пространстве, в которой авторы за внешними поведенческими стратегиями сельских жителей попытались увидеть и показать читателям внутренние смыслы и мотивы жизни и труда человека на земле, проникнуть в святая святых индивида – его жизненный мир. Особенность этой книги заключается в том, что в ней на богатейшем многолетнем эмпирическом материале представлена не только широкая панорама жизни и деятельности сельского сообще-

ства и личности, включая оценки, ценности и мировоззрение конкретного человека, его жизненные стратегии и реальное поведение, но и оригинальная концептуальная схема, позволяющая за, казалось бы, случайными проявлениями человеческой деятельности и мышления увидеть жизненные смыслы, мотивирующие индивида на принятие важнейших решений и сознательное переустройство собственной биографии.

Теоретико-методологической основой монографического исследования выступила концепция социологии жизни, основным понятием которой является жизненный мир людей. Структурными компонентами последнего выступают общественное (групповое) сознание, поведение (деятельность) и объективные условия (макро-, мезо- и микромир). Концептуальная схема данного подхода, разработанная видным российским социологом Ж. Т. Тощенко, позволила раскрыть в книге все разнообразие смыслов жизненного мира селян, как общественной, так и личной их жизни, начиная от экономики и заканчивая культурой и бытом. Ж. Т. Тощенко подчеркивает, что при всем своем многообразии жизненный мир имеет объединяющую структуру, в основе которой лежат смыслы жизни, выражающие специфическое видение этого мира, главные (основные, определяющие) его ценности. Под смыслами жизни автор понимает «совокупность целей-принципов, образующих стратегическое ядро установок и олицетворяющих стержень сознания и поведения людей и составляющих основополагающее, внутреннее содержание их жизни. В известной мере это основная цель, которая может выступать как общественная стратегическая установка всей жизни, так и ведущая установка в основных видах деятельности» [1, с. 19]. При этом выделение главных институциональных позиций человека – как гражданина (уровень общества), как жителя (уровень территориальной общности), как работника (уровень вовлеченности в производственный, трудовой процесс) и как индивида (уровень социального микроокружения) – позволило операционализировать понятие жизненного мира и его смыслового наполнения. В качестве таких показателей жизненных смыслов выступили, согласно авторской концепции, цели-принципы, которыми руководствуются люди; осознание человеком своего предназначения и назначения окружающих его социальных институтов; процесс созидания, направляемый смысловыми кодами, и превращение их во внутреннюю активность, жизненную потребность в самореализации.

Последующая логика монографии посвящена обоснованию данной концепции, что позволило коллективу авторов не только представить читателю широкомасштабное полотно сельской жизни, но и показать социодинамику жизненного мира российских селян как социальной группы за

продолжительный исторический период. В монографии отмечаются существенные и во многом негативные изменения, которые претерпела российская деревня в процессе перехода от советской системы хозяйствования к современной. Во-первых, отмечается в книге, в структуре ценностей селянина исчезло общественно значимое начало жизнедеятельности. Во-вторых, деформировались ценности создания материального и социального благополучия, а также разные формы безвозмездной или льготной помощи, осуществляемой ранее колхозами и совхозами в отношении всех сельских жителей [1, с. 20]. В-третьих, усилилась роль собственного опыта и полученной в СМИ информации в принятии решений. Вместе с тем появилось чувство обреченности и отсутствия перспектив на лучшее будущее. Кроме того, за прошедшую четверть века произошла диверсификация трудовых практик в сельской местности и труд на земле уже перестал быть единственным источником заработной платы для сельчан, что, по мнению одного из авторов монографии, разрушает монолитный образ деревни, в ней «проявляется мотив разобщенности, замкнутости, отдельности собственного существования» [1, с. 44]. Делается вывод о том, что в крестьянских мирах наблюдается тоска не только по социалистическому, но и по общинному устройству российской деревни, в которой приобщенность к общему делу наполняла благородным смыслом трудовую деятельность [1, с. 47].

Все эти мыслительно-поведенческие трансформации обусловили обострение чувства социальной справедливости, ставшего, по мнению Ж. Т. Тощенко, основным базовым смыслом, определяющим жизненный мир сельского жителя, всю совокупность основных видов его деятельности [1, с. 22]. Диссонанс между представлениями о социальной справедливости и реальным ее воплощением в повседневной жизни Ж. Т. Тощенко иллюстрирует данными социологических опросов: в 2014 г. 68,4 % сельских жителей России, связывая социальную справедливость с соблюдением государством справедливого отношения к ним, равных прав для всех и гарантий социального благополучия, на деле столкнулись с абсолютно несоответствующим их ожиданиям уровнем заработной платы, обеспеченностью работой, социальными условиями и др. Соглашаясь в целом с авторской трактовкой стремления к социальной справедливости как основного жизненного смысла российского крестьянства, необходимо отметить, что в современном сельском сообществе, как и в обществе в целом, представление о социальной справедливости потеряло свою однозначность. В современной деревне совершенно определенно проявились различия в смысловых кодах данного понятия, обусловленные социальной дифференциацией населения. Как показали данные республиканских социологических опросов сельского на-

селения Беларуси, проведенных в 2015 г., понятие «социальная справедливость» имеет разные коннотации среди богатых селян, фермеров и предпринимателей и бедных, малообеспеченных, слабых хозяев.

Авторы считают, что сегодня в российской деревне происходит интенсивный процесс раскрестьянивания, аргументируя это тем, что 27,7 % сельских жителей не имеют личного хозяйства, а 61 % не хотят увеличивать свой земельный надел. По мнению авторов, неконтролируемый рост латифундий и агрохолдингов стал своеобразным заслоном на пути развития фермерства, сельскохозяйственной кооперации и формирования рациональной социальной структуры сельского населения. Отметим, что в Беларуси, в отличие от российской деревни, сохранились крупные хозяйства типа колхозов или совхозов – так называемые сельскохозяйственные предприятия или организации. В сфере материального сельхозпроизводства на данных предприятиях работают в основном рабочие сельскохозяйственного производства. По способам деятельности в сфере труда и распределения и, по отношению к приобретению земельных угодий, ведению собственного приусадебного хозяйства, соблюдению технологических и организационно-управленческих требований, дисциплины труда, по способам самоидентификации рабочие сельского хозяйства действительно отличаются от крестьян. Согласно данным социологических исследований Института социологии Национальной академии наук Беларуси, не только фермеры, но и крестьянские хозяйства, агроусадьбы, крупные подсобные хозяйства, производящие продукцию на продажу, представляют современный социальный тип хозяйственной деятельности в сельской местности – крестьянство [2, с. 233–245]. И это выражается не в случайных подработках, а в способе жизни, деятельности и мировосприятия двух разных социальных групп – сельскохозяйственных рабочих и крестьян, имеющих свои ценности, нормы и смыслы. В то же время в Беларуси создание и деятельность агрохолдингов контролируется государством, и хотя определенные трудности с организацией фермерских хозяйств есть, говорить о том, что именно агрохолдинги перекрывают пути развития фермерства, не приходится. Одновременно на этом фоне расширяется сеть крестьянских хозяйств, производящих товарную продукцию силами семьи или с помощью нескольких наемных работников. В связи с более-менее четким разделением двух социальных групп (сельскохозяйственные рабочие и крестьяне) по типам социальных взаимодействий в сфере труда, а также способам самоидентификации мы не склонны трактовать факт малочисленности такой социальной группы, как крестьянство, в качестве показателя процесса раскрестьянивания в традиционном понимании

этого слова. Думается, что возврат к традиционному семейному, хуторскому или единоличному хозяйству дореволюционного типа сегодня невозможен в принципе. Проблема в другом: как помочь возрождающемуся крестьянству в организации современной технологически развитой системы хозяйствования? Как обеспечить сельских жителей работой в общественном или крупном частном сельскохозяйственном производстве, т. е. тех, кто не желает серьезно заниматься собственным хозяйством? При чем работой, способной удовлетворить их потребность в самореализации.

Конечно, жизнь и работа по образцам рабочего человека в сельском хозяйстве, отсутствие связи с собственной землей и домашним хозяйством ослабляют связь с деревенской жизнью, формируют подвижность миграционных намерений, меняют демографическое, экономическое и социальное поведение селян. Отсюда – повышенная готовность к перемене мест, миграция в другие населенные пункты и города. А сравнение преимуществ городской жизни с тяжелой трудовой в сельской местности часто побуждает селян покидать насиженные места, а родителям – желать своим детям городского будущего, профессии и места жительства. Так, в Беларуси 58,4 % родителей считают, что их детям и внукам желательно уезжать в город, и только 14,2 % – что следует остаться жить и работать в деревне [2, с. 383] (в российской деревне в 2015 г. также лишь 14,1 % селян хотели, чтобы их дети остались жить в сельской местности) [1, с. 79].

В монографии российских социологов внимание читателей обращено на процессы архаизации сельскохозяйственного производства России, обусловленные полным упадком сельскохозяйственного производства, ликвидацией многих ранее успешных производственных единиц, разграблением основных фондов, скупкой или передачей в аренду земельных паев [1, с. 25]. К счастью, такая проблема в сфере общественного сельхозпроизводства перед Беларусью не стоит, но остается устойчивой в крестьянских, крупных подсобных и частично в фермерских хозяйствах. Дороговизна современной техники, удобрений, кормов, сложность с покупкой семян и элитных сортов стимулируют процессы архаизации производства и, соответственно, вынуждают к самоэксплуатации крестьян, пытающихся ею компенсировать отсутствие современных методов и технологий хозяйствования. В этом плане между российскими и белорусскими крестьянами много общего.

Негативное отношение российских селян к реформам обусловлено интерпретацией ими современных событий с точки зрения сохраняющейся памяти о лучших страницах сельской жизни, особенно связанных с советским периодом. В отличие от российских белорусские селяне в меньшей

степени оглядываются назад, так как проводимые в АПК реформы осуществляются без судорожных рывков, постепенно, радикально не нарушая основные устои сельской жизни. Может быть, дело не только в этапах и специфике реформ в двух близких странах, но и в политике белорусского государства, поставившего под жесткий контроль этот процесс в различных отраслях и сферах, в отсутствии агрессивного влияния капиталистических отношений на экономику Беларуси, как это наблюдается в российском АПК. Хотя белорусская экономика и работает по законам рынка, контроль государства за этим процессом не позволяет дать все на откуп олигархам, латифундистам и другим крупным собственникам. В связи с этим социологические опросы белорусских социологов из года в год фиксируют довольно устойчивую тенденцию повышения благоприятного социального самочувствия и оптимизма: по данным 2014 г., 29 % селян утверждают, что по сравнению с прошлым годом они стали жить лучше; еще 44,2 % – что ничего не изменилось [2, с. 408]. Эта мысль подтверждается и такими показателями, как чувство социальной защищенности, личная безопасность и т. п. В Беларуси проблема личной безопасности вообще не стоит, в то время как в России ею обеспокоены 47,9 % сельских жителей. Однако у нас в стране проблема социальной защищенности от потери работы, бедности, самоуправства чиновников, руководства предприятий, органов правопорядка волнует более 50 % сельских жителей [2, с. 409]. Между тем есть опасение, что будущее не будет таким прозрачным и недвусмысленным, как хотелось бы. Предпринимаемые в стране шаги по приватизации крупных сельхозпредприятий и связанные с ними социальные процессы делают будущее белорусского села весьма неопределенным.

Российские коллеги в монографии обращают внимание на усиление роли семьи и акцентирование личной жизни селян, но трактуют это как следствие безысходности и бесперспективности сельского бытия. На наш взгляд, это слишком прямолинейная интерпретация, а сравнение с иерархией ценностей в советское время не совсем корректно. В настоящее время тенденция индивидуализации жизни наблюдается во всех странах, а в развитых и богатых – даже в большей степени. По данным международных исследований, семья, здоровье и дети сегодня выступают базовыми ценностями почти у всех народов мира. Поэтому неудивительно, что, по сведениям и российских, и белорусских социологов, ценность работы занимает только четвертое место.

Необходимо отметить, что каждый раздел монографии российских ученых представляет собой целостную научную работу, насыщенную не просто социологической информацией, но и глубоким,

и эмоционально окрашенным сочувствием судьбе российского крестьянства. В разделе «Социально-экономическая трансформация смысла жизненного мира российских крестьян» представляют интерес размышления на тему устройства сельского хозяйства в советский период и в современной России, соотношения экономической и социальной эффективности хозяйствования на селе, экстенсивного и интенсивного пути его развития [1, с. 38]. На основании статистического и социологического анализа делается вывод о том, что ориентация исключительно на повышение экономической эффективности породила социальную нестабильность в сельских населенных пунктах. Как следствие – возникновение нового социального класса – прекариата (Ж. Т. Тощенко), основным признаком которого является нестабильное положение работника на рынке труда. В то же время изучение социальной структуры сельского сообщества в Беларуси, проведенное в 2014–2015 гг. Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, показало, что подобный класс в белорусской деревне пока отсутствует, так как проблема с занятостью сельского населения не стоит так остро, как в России. По мнению российских коллег, частная собственность и деньги разрушают моральную экономику сельских сообществ, социальные связи утончаются и начинают строиться на договорных, а не дружеских отношениях. В этом и заключаются социальные последствия раскрестьянивания, которые отражаются на смысле жизни на земле [1, с. 48]. Тоска по прошлому сквозит в словах Р. И. Анисимова о том, что села, по существу, превратились в поселки городского типа с канализацией, центральным отоплением, многоэтажным строительством, супермаркетами, т. е. перестают быть селами в классическом понимании этого слова [1, с. 54–55]. Думается, авторы слишком абсолютизировали особенность крестьянина как социального типа. На наш взгляд, ничего плохого нет в том, что крестьянин после работы хочет помыться в благоустроенной ванной комнате, жить в доме с горячей водой и паровым отоплением, иметь все блага городской жизни. Конечно, крестьянин – «таинственный незнакомец», но не до такой степени, чтобы ему отказывать в элементарных удобствах современной жизни. Пессимизм Р. И. Анисимова звучит также в неутешительных эскизах о будущем российской деревни, где часть деревень превратится в своеобразные дома престарелых или дачные поселки для горожан, часть будет включена в капиталистическое производство сельхозпродукции, организованное по принципу «собственник – батрак», социальные функции будут переложены на плечи самих селян, протестное поведение приведет к росту преступности и насилия в российском селе, дальнейшей маргинализации работников-батраков и межэтническим конфликтам. Правда, дан-

ный вывод заканчивается неожиданно оптимистическим прогнозом: «...несмотря на это, мы верим, что русская деревня, существующая уже более тысячи лет, не исчезнет». При этом автор высказывает надежду на то, что именно «на основе компромисса между экономической выгодой и социальной стабильностью возможна выработка новых точек сборки коллективности, что не даст пасть в лету уникальному мировому феномену – русской деревне» [1, с. 57].

Реальная картина материальной обеспеченности российских селян в главе «Материальное благополучие как смысл сельской жизни» рассматривается не только с точки зрения сложившейся ситуации последних лет, но и с позиции выяснения причин разделения сельского сообщества на разные социальные группы: низкодходную, среднедходную и высокодходную. В частности, Т. Г. Евдокимова задается вопросом: какую роль играют в уровне доходов заработная плата селян и занятость в личном подсобном хозяйстве? То есть являются ли высокие доходы следствием занятости в личном хозяйстве или личное хозяйство является привилегией более обеспеченных слоев населения? В данной главе показано, что у сельских жителей с высокими доходами больше возможностей в ведении личного хозяйства (техника, земля, скот, теплицы и др.), благодаря чему они имеют возможность быть товарным хозяйством [1, с. 68]. Тем не менее утверждается в монографии, основным препятствием на пути благополучия является разбалансированность трудовой сферы, в частности высокий уровень безработицы (в 2015 г. – до 16 %). Именно отсутствие перспектив повышения материального благополучия ставит под вопрос один из главных смыслов сельской жизни.

Квалифицируя политическое сознание и активность российских крестьян преимущественно как пассивные формы политического участия в главе «Качество и смыслы политических практик жителей российского села», И. В. Воробьева обращает внимание на парадоксальность, амбивалентность их массового сознания и поведения, так как, несмотря на высокий уровень отчуждения от политической жизни страны и действий государства, наблюдается довольно высокий уровень лояльности к власти, политическому режиму в стране. Это явление автор объясняет тем, что население России, в принципе, привыкло жить в состоянии непрекращающегося кризиса и любая напряженная ситуация для него вполне терпима. Тем не менее сложные социально-экономические условия способствуют распространению ряда негативных процессов в сельской среде, особенно среди молодежи, препятствуя формированию социальной, гражданской активности, чувства патриотизма и ответственности за свою страну [1, с. 93]. Так, почти половина населения

села не считает участие в выборах своим гражданским долгом, тем самым отстраняясь от процесса избрания власти [1, с. 94]. К этому выводу пришли и белорусские социологи, однако, анализируя политическое сознание сельских жителей, они использовали социально-классовый подход, что позволило более точно описать особенности поведения двух сельских социальных групп – рабочих и крестьян. В частности, в опросе 2014 г. было выявлено, что в отличие от крестьян, которым характерен индивидуализм, сельскохозяйственным рабочим свойственны в большей степени открытость вовне, коллективизм, общительность. Однако среди крестьян наблюдается большая, нежели среди рабочих, степень территориальной идентичности, что выражается, в частности, участием в жизни местного сообщества, обустройстве их населенного пункта. Больше крестьян (25 %), нежели сельскохозяйственных рабочих (12,5 %), посещают собрания, общественные обсуждения по вопросам планирования их населенного пункта, следят за происходящими в их селе, городе событиями в СМИ (56 и 40,6 % соответственно), участвуют в общественных инициативах по благоустройству и уборке территории и даже выступают с такими инициативами (42,4 и 25,7 % соответственно). Однако сельскохозяйственные рабочие, не характеризующиеся высокой степенью территориальной идентичности, в отличие от крестьян в большей степени озабочены общенациональными проблемами, связывают судьбу страны со странами Таможенного союза и в меньшей степени ориентированы на Запад, на вхождение Беларуси в Евросоюз. Можно согласиться с белорусскими социологами в том, что представление о жизненных смыслах крестьянства как единой монолитной социальной группы в условиях рыночной экономики и разгула капиталистических отношений в сельской местности нуждается в дополнительном анализе с точки зрения новой социальной структуры сельского сообщества.

Интересен сюжет о смыслах духовной жизни сельских жителей (гл. 5), представленный П. П. Великим. Приводится анализ особенностей духовной жизни селян, на данных эмпирических исследований демонстрируется распространение культурной эксклюзии, при этом подчеркивается, что, несмотря на рост информационной компетентности современных селян, она носит индивидуализированный характер, и только сравнительно небольшая доля (в основном специалисты) переводит ее в практическую созидательную плоскость [1, с. 119]. Автор призывает государство к более ответственной культурной политике и стратегии развития культуры села.

Отмечено, что духовно-культурная идентичность сельских жителей формируется в сфере социального общения, которое открывает возможность использования различных ресурсов участников интеракции в решении проблем, осуществляемых

не ради максимальной выгоды, а ради поддержания социальных взаимоотношений, которые являются одним из главных социальных смыслов межличностных отношений. В соответствии с концептуальной схемой монографии особенности межличностных отношений в сельской местности рассматриваются на уровне местного сообщества, трудовых коллективов и круга близких людей. Так как отношения между сельчанами построены на взаимобмене, взаимопомощи и наличии хорошей репутации, то четко прослеживается, по мнению А. В. Кученковой, связь между ориентацией на помощь односельчан, личным экономическим положением и благополучием человека [1, с. 128]. То есть особенности форм общения связываются с социальной дифференциацией в деревне. Утверждая, что обладание дополнительными ресурсами/преимуществами перед остальными повышает уверенность во взаимопомощи со стороны односельчан, автор подчеркивает социально-политическую подоплеку их поведения: так, положительные оценки ситуации в стране способствуют укреплению отношений между сельчанами, а оценка эффективности взаимопомощи связана с желанием продолжить жить в деревне либо переехать в город. Делается вывод: несмотря на факторы обособления и индивидуализации, солидарность, доверие и соседская взаимопомощь в бытовых нуждах в сельских поселениях не исчезли. Однако, несмотря на очевидные преимущества и выгоды межличностной взаимопомощи, неформальная кооперация и сотрудничество ограничиваются целями самообеспечения и не преобразуются в значимые гражданские инициативы [1, с. 133].

Поэтому, утверждается в книге, роль различных институций в сельской местности пока незначительна. Россияне обращаются за помощью чаще к близким и родным (родственникам и друзьям), реже – к коллегам и руководству, и крайне малая доля лиц рассчитывает на помощь со стороны местных органов власти, священника; практически никто не ожидает поддержки от профсоюзных организаций, политических партий. Подавляющее большинство сельчан (91,5 %) признались, что в первую очередь обратятся за помощью к членам семьи; более половины (55 %) – к друзьям. Лишь 14 % сельчан рассчитывают на помощь коллег, 5,7 % – руководителей, что говорит о низком уровне доверия к ним. Данные социологического опроса россиян в 2015 г., по существу, не отличаются от результатов опроса белорусских селян (исследование 2014 г.), где совокупность тесных контактов не только на уровне родственно-дружеских связей, но и трудовых коллективов, местного сообщества выступает гарантийно-страховой системой, цель которой – физическое и социальное выживание [1, с. 140].

Анализ институциональных и социально-структурных систем жизнеустройства позволяет авторам

монографии показать комплекс условий и предпосылок сельского бытия, порождающих, сохраняющих или деформирующих специфику жизненных смыслов сельского населения. В этом отношении скрупулезный и научно обоснованный анализ социально-демографических, семейных, здоровьесберегающих и образовательных аспектов жизнеобеспечения селян является в монографии тем фундаментом, который дает ясное и недвусмысленное представление об уровне человеческого потенциала современной российской деревни. Здесь совершенно уместно обращается внимание на роль сельской интеллигенции и молодежи, их жизненные смыслы, мировоззрение и политические ориентации как залог более обнадеживающего будущего [1, с. 231–273].

Одним из неоспоримых достоинств книги, представляющих интерес и для российских, и для белорусских социологов, является внимательное отношение к историко-социологическому наследию трудов ученых, предшественников современных исследований самобытности деревенской жизни. В частности, в книге размещены размышления авторов о монографии А. М. Большакова «Деревня»: 1917–1927 (М., 1928), а также сравнительный анализ изменений села Копанка, образа и смыслов жизни его жителей на базе двух социологических исследований в 1930-е гг., когда село находилось под властью Румынии, и в первую половину 1960-х гг., когда село входило в состав Советского Союза. Сравнение показало, что именно повышение уровня материального благосостояния копанских жителей вследствие экономического подъема села отразилось на смысловых установках населения. Только при относительной стабилизации материального благосостояния в жизни копанских крестьян появились новые смыслы, такие как забота о будущем, семья, здоровье, общественная деятельность и участие в культурной и духовной жизни. Следовательно, делают вывод авторы монографии, образ жизни и смысловые жизненные ориентиры сельского населения формируются под воздействием

макро- и мезосоциально-экономических и социально-политических условий, которые накладывают большой отпечаток на сознание и поведение крестьян.

Данное умозаключение доказывается авторами не только логически и эмпирически, но и исторически, что делает предложенную в начале монографии концепцию смыслов жизненного мира крестьян научно обоснованной и эмпирически достоверной. С ней можно не только согласиться, но и развивать далее, так как она раскрывает возможные перспективы социальной политики государства в отношении села и понимания жизненных ориентиров современных селян всем обществом.

Не менее значимым являются методологические аспекты исследований белорусских и российских социологов. Сравнительный анализ способов описания и объяснения особенностей жизненных миров селян и их смыслового наполнения, ценностей и моделей осознания ими собственного предназначения, представленных в двух монографиях, свидетельствуют о плодотворности даже заочного диалога ученых, посвятивших себя благородной задаче изучения эволюции современной деревни. Данный диалог показывает, что дальнейшее изучение жизненного мира сельских жителей социологическими методами возможно посредством различных методологических подходов и теорий, эвристический потенциал которых в данных монографиях воплотился в полной мере, в частности в использовании россиянами концепции социологии жизни и применении белорусскими социологами социально-классового подхода.

Именно применение российскими социологами этой концепции к крестьянству как целостному сельскому сообществу и отдельной личности, а также белорусскими – на основе учета социально-классовых различий сельского сообщества – делает раскрытие жизненного мира жителей села и его смыслового содержания в полной мере научно обоснованным, а также социально востребованным и актуальным.

Библиографические ссылки

1. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2016.
2. Смирнова Р. А., Кузьменко Т. В., Смирнов В. Э. и др. Судьба белорусской провинции. Социологический анализ / под общ. ред. Р. А. Смирновой. Минск, 2015.

References

1. Toshchenko Zh. T. (ed.) Smysly sel'skoi zhizni (opyt sotsiologicheskogo analiza). Moscow, 2016.
2. Smirnova R. A., Kuz'menko T. V., Smirnov V. E. et al. Sud'ba belorusskoi provintsii. Sotsiologicheskii analiz. Minsk, 2015.

Р. А. Смирнова,
доктор философских наук, доцент